

Политика США в Центральной Азии после 2014 года

Сейчас наибольшую угрозу стабильности центральноазиатского региона (и в конечном счете интересам США) представляют уже не Россия или Китай, а внутрорегиональные патологии | **ДЖЕФФРИ МАНКОФФ**

Хотя боевые действия в Афганистане (или, по меньшей мере, ведущая роль в них Соединенных Штатов) постепенно сворачиваются, вряд ли Вашингтон совсем потеряет интерес к Центральной Азии. Однако теперь, в эпоху, определяющими чертами которой, вероятнее всего, станут, во-первых, рост внимания США к Восточной Азии (в рамках «разворота» администрации Обамы к Тихому океану) и, во-вторых, резкое сокращение оборонного бюджета, которое будет сдерживать амбиции Вашингтона во многих регионах мира, Соединенным Штатам придется отыскать новые веские доводы для своего участия в здешних делах. И американская политика в этом регионе после 2014 года должна основываться на понимании стратегического ландшафта Центральной Азии, который характеризуется одновременно растущей многополярностью и ухудшением качества государственного управления.

В последние два десятилетия политика США в этом регионе временами являла собой неудобоваримую смесь двух подходов. В рамках первого, характерного для 1990-х, но и ныне еще продолжающего влиять на американскую политику, к Центральной Азии относились как к полю стратегической

конкуренции с соседними державами, прежде всего Россией, а теперь еще и Китаем. В рамках второго подхода, преобладавшего после 9 сентября 2001 года и с новой силой подхваченного администрацией Обамы, Центральная Азия рассматривается в первую очередь через призму войны в Афганистане. Как следствие, региональным проблемам уделяется гораздо меньше внимания, а вся деятельность США здесь нацелена на победу в идущей поблизости войне, чему подчинено и сотрудничество с соседними державами, в частности Россией.

В ближайшие десять лет центральноазиатским государствам предстоит столкнуться скорее с острыми внутренними вызовами, нежели с опасностью внешнего господства в регионе, и, следовательно, после 2014-го перед Вашингтоном станут принципиально иные задачи, нежели в 1990-х годах. Хотя за два прошедших десятилетия позиции пяти центральноазиатских республик на международной арене заметно укрепились, все они в той или иной мере страдают от слабостей управления и связанных с этим проблем преступности, коррупции, оборота наркотиков, экстремизма и терроризма. Конечно, упомянутые проблемы в первую очередь представляют опасность для самих

этих государств, но одновременно они создают определенную угрозу и для более широкого международного сообщества, поскольку повышают вероятность конфликтов и распространения транснациональных угроз, в частности терроризма, на другие части земного шара. И для того, чтобы успешно противостоять этим проблемам, Соединенным Штатам необходимо переосмыслить свою стратегию в Центральной Азии. Они по-прежнему должны присутствовать в регионе, но при этом в большей мере, чем до сих пор, способствовать налаживанию здесь более эффективного управления (что отнюдь не синоним демократизации). Необходимо также осознать, что Россия и Китай — соседние державы с прочными экономическими и политическими связями в этом регионе — всегда будут иметь здесь более широкие интересы и что в многополярной Центральной Азии XXI века возрождение стратегического соперничества по типу «игры с нулевой суммой», как в 1990-х, ни в коей мере не поможет излечить распространенные здесь социальные болезни.

Акт I: Плюрализм и переориентация

На протяжении большей части 1990-х годов Центральная Азия не входила в число внешнеполитических приоритетов США. Находится она очень далеко от Америки, а развал СССР породил множество ударных волн в других, гораздо более важных для США регионах (прежде всего — в самой России), так что Центральная Азия оставалась для них на втором, а то и на третьем плане. Когда же политики все же уделяли этому региону внимание, их усилия были направлены, во-первых, на продвижение политических и экономических реформ, а во-вторых, на вывод нефтяных и газовых ресурсов Каспийского бассейна на мировые рынки. В самом деле, на протяжении большей части 1990-х Вашингтон самое при-

стальное внимание обращал на производство энергоносителей и на транзитные государства по обе стороны Каспийского моря, а не на Центральную Азию как таковую.

Если в центральноазиатской политике США в тот период и была какая-то доминанта, то это диверсификация связей Центральной Азии с внешним миром, которая позволила бы региону уменьшить свою давнюю зависимость от России. (Это направление в какой-то мере сохранилось и сейчас, но после 9/11 акценты изменились, и оно было дополнено, а потом все больше вытеснялось сотрудничеством в сфере безопасности с государствами Центральной Азии и с крупными соседними державами, особенно с Россией.) Ключевым элементом этой стратегии стало строительство новых нефте- и газопроводов из Каспийского региона в Европу, военная помощь — на двусторонней основе и в рамках НАТО, а также использование программ помощи для разрушения советского институционального наследия. При этом ставилась цель обеспечить государствам Центральной Азии возможность выступать в качестве самостоятельных, суверенных членов международного сообщества. Во многом это диктовалось опасениями, что распад Советского Союза может оказаться процессом обратимым и холодная война вернется.

Ядром этой стратегии стало создание новой транзитной инфраструктуры, прежде всего, прокладка трубопроводов, которые ослабили бы зависимость центральноазиатских государств от транзита своих энергоносителей через Россию и одновременно открыли бы им доступ в Европу в качестве новых поставщиков углеводородов для европейских союзников США. Поскольку на момент распада СССР все здешние трубопроводы шли с юга на север, выходя на территорию России, и управлялись российскими государственными компаниями «Газпром» и «Транснефть», у прикаспийских добытчиков

энергоносителей (Азербайджан, Казахстан, Туркмения и Узбекистан) не было иного выбора, кроме как качать свою нефть и свой газ через российские трубопроводы, платя за это по ценам, устанавливаемым Москвой исходя из ее собственных, в значительной степени субсидируемых расценок. Контроль над производством и транзитом энергоносителей обеспечивал Москве также мощные рычаги влияния на внешнюю политику прикаспийских государств, которые она использовала для того, чтобы ограничить возмож-

рисков, связанных с этими проектами, правительство США предоставило им дипломатическую и финансовую помощь. В частности, мощную поддержку США оказали проектам нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан (БТД) и Южно-Кавказского газопровода, через Каспийское море связывающих Центральную Азию и Европу, а также проекту газопровода Туркмения – Афганистан – Пакистан, которым *Unocal* занималась, пока гражданская война в Афганистане не расстроила ее планы¹. В итоге правительство

“Контроль над производством и транзитом энергоносителей обеспечивал Москве мощные рычаги влияния на внешнюю политику прикаспийских государств”.

ности их прямого взаимодействия с институтами Запада, а тем более – стратегической координации с Западом.

И сами эти государства, и западные компании, не имея никаких возможностей влиять на использование существующей сети трубопроводов, стремились построить новые трубопроводы, которые управлялись бы международными компаниями. И хотя западные энергетические компании действовали в Центральной Азии не столь успешно, как на западном берегу Каспия, им все же удалось захватить несколько плацдармов, прежде всего в Казахстане. Консорциум во главе с *Chevron* с 1993 года ведет работы на нефтяном месторождении Тенгиз, а *Texaco* в 1997-м присоединилась к уже существовавшему консорциуму в составе итальянской *AGIP* и британской *British Gas*, разрабатывавшему месторождение Карачаганак. В 2003 году нефть с месторождения Тенгиз стала перекачиваться в российский порт Новороссийск по частному трубопроводу Каспийского трубопроводного консорциума (КТК).

Учитывая опасения компаний-участниц в отношении политических и экономических

США предоставило гарантии по кредитам и обеспечило страхование рисков для БТД, который начал строиться в 1999-м и был принят в эксплуатацию в 2006 году². Кроме того, одно время предлагалась финансовая поддержка так и не реализованному проекту Транскаспийского газопровода и предпринимались попытки убедить азербайджанцев и туркменов урегулировать территориальные споры, мешающие его строительству³.

Однако главную роль сыграла дипломатическая поддержка Вашингтоном растущей координации действий Азербайджана, Грузии и Турции и поощрение привлекательных предложений компаний, намеревавшихся участвовать в строительстве БТД и Южно-Кавказского трубопровода, со стороны правительств этих стран. Вашингтон также призвал к участию в этих проектах страны Центральной Азии с большими запасами энергоносителей. В мае 2006-го вице-президент США Дик Чейни в рамках усилий, имеющих целью побудить Казахстан поставлять энергоресурсы в Европу в обход России, даже произнес в Астане печально знаменитую речь, восхвалявшую успехи демократизации

в Казахстане⁴. В 2008-м Астана согласилась поставлять некоторое количество нефти с месторождения Тенгиз по БТД в соответствии с решением НАТО начать обсуждение проблем энергетической безопасности в свете военного конфликта России с Грузией⁵. Туркмении в планах США всегда отводилась ключевая роль в обеспечении поставок каспийского газа в Европу, но пока что политические риски вкупе с собственной настроенностью Ашхабада препятствуют реализации этого плана.

“Вопрос о полноправном членстве государств Центральной Азии в НАТО (в отличие от государств Закавказья) никогда всерьез не рассматривался”.

По замыслам Вашингтона, кампания по прокладке трубопроводов на Запад должна была в итоге, во-первых, обеспечить поставки нефти и газа с новых месторождений в зоне Каспийского моря на мировой рынок, а во-вторых, освободить государства — производители углеводородов на Кавказе и в Центральной Азии то их зависимости от российских трубопроводов и рынков⁶. США исходили не только из опасений за хрупкую независимость новых, еще не устоявшихся государств Закавказья и Центральной Азии, но и из более широких геополитических соображений, связанных с тем, что Россия сохраняла доминирование в политике и экономике Центральной Азии. Как писал в 1997 году в своей книге «Великая шахматная доска» бывший советник по национальной безопасности Збигнев Бжезинский, «главная цель Америки заключается в том, чтобы постараться создать ситуацию, когда ни одна [соперничающая с ней] держава не сможет контролировать это геополитическое пространство, а мировое сообщество будет иметь беспрепятственный финансово-экономический доступ к нему»⁷. По мнению

Бжезинского, возникший здесь геополитический плюрализм будет способствовать более сбалансированному развитию региона и постепенной интеграции Центральной Азии в мировую экономику.

Конечно, попытки России манипулировать энергетическими ресурсами прикаспийских государств сыграли значительную роль в американских расчетах. В середине 1990-х Москва с помощью различных рычагов пыталась не допустить поставок нефти и газа из прикаспийских стран по нероссийским тру-

бопроводам и предоставления иностранным компаниям долей в местной добыче углеводородов. Она манипулировала ценами, делала односторонние заявления относительно спорных ресурсов на шельфе Каспийского моря, блокировала доступ к своим трубопроводам, препятствовала поставкам сырья на НПЗ в Казахстане и Туркмении и стремилась предвосхитить спрос со стороны производителей в Центральной Азии, увеличивая собственные поставки и строя новые собственные трубопроводы (например, «Голубой поток», идущий по дну Черного моря в Турцию и лишаящий экономического смысла планы Туркмении по прокладке Транскаспийского газопровода)⁸. Короче говоря, Россия по-прежнему имела возможность контролировать деятельность топливобывающих компаний этого региона, так что стремление США «открыть» Центральную Азию для остального мира было вполне оправданным.

Трубопроводы были, возможно, самым заметным, но не единственным элементом стратегии Вашингтона, имеющей целью более крепко привязать Центральную Азию

и Каспийский регион к Западу. В середине 1990-х пять стран Центральной Азии присоединились к программе НАТО «Партнерство ради мира» (ПРМ) и разработали обширную программу совместных мероприятий, особенно после 2004 года, когда на саммите НАТО в Стамбуле было заявлено, что Кавказ и Центральная Азия — это регионы, имеющие стратегическое значение для НАТО. Хотя в основном, особенно после 9/11, это сотрудничество было сугубо прагматическим и фактически все внимание было направлено на защиту от транснациональных угроз, таких как терроризм и незаконный оборот наркотиков, центральноазиатским странам-партнерам предлагалось также рассматривать страны НАТО в качестве модели для их собственного политического и социального развития. Казахстан, Киргизия и Узбекистан в рамках ПРМ участвуют в Процессе планирования и анализа, тем самым готовя своих военных и силы безопасности к международным операциям под эгидой НАТО. Казахстан также имеет Индивидуальный план действий партнерства, в рамках которого он принял детальную программу реформирования сферы безопасности и получил доступ к ресурсам НАТО для ее выполнения⁹. Альянс также начал проводить ежегодные учения в рамках «Партнерства ради мира», а в конце 1990-х стремился создать объединенные региональные миротворческие силы под названием «Центразбат»¹⁰. Кроме того, НАТО реализует здесь несколько небольших программ, в частности программу «Виртуальный шелковый путь» для расширения возможностей подключения к Интернету и обеспечения готовности к чрезвычайным ситуациям.

Особенно деликатный аспект — это попытки налаживания оперативной совместимости между вооруженными силами Центральной Азии и НАТО, поскольку переход на западные стандарты и вооружения подорвал бы один из главных каналов влияния России,

а именно, нарушил бы институциональные связи между силовиками России и Центральной Азии и уничтожил параллелизм структур. Западные чиновники знают об этих проблемах, но рассматривают поддержку Альянсом реформ в здешнем силовом секторе именно как механизм формирования у местных военных привычки смотреть на евроатлантические страны как на образец для подражания, хотя вопрос о полномочном членстве государств Центральной Азии в НАТО (в отличие от государств Закавказья) никогда всерьез не рассматривался.

Другой важный инструмент, с помощью которого Вашингтон пытается переориентировать Центральную Азию на Запад, это развитие демократии. Действуя и прямо, и косвенно, через финансирование неправительственных организаций (НПО), таких как Национальный демократический институт (NDI) и Международный республиканский институт (IRI), Вашингтон сделал поддержку реформ и демократических преобразований в странах бывшего Советского Союза важной составляющей своей деятельности в этом регионе. Обычно эта поддержка осуществляется в форме грантов для НПО, участвующих в мониторинге выборов, для создания партий и другой деятельности на местах. Важная роль отводится риторике: официальные представители США резко (хотя и выборочно) критикуют иностранные правительства, которые не соответствуют идеальным стандартам. Теоретически все эти усилия политически не ангажированы, но на самом деле и официальные лица в Вашингтоне, и активисты на местах часто руководствуются смешанными мотивами, и в целом их деятельность нацелена на свержение существующих режимов и замену их правительствами, в большей мере поддерживающими внешнюю политику США (даже если их преданность принципам демократии сомнительна)¹¹.

После первоначального взрыва энтузиазма практически во всей Центральной Азии деятельность США в этом регионе ныне сосредоточена, в основном, в Киргизии и Казахстане. Узбекистан изгнал большинство иностранных НПО после волнений в Андижане, а Туркмения и вовсе остается для них практически закрытой. К тому же плохо продуманная директива администрации Буша о «поддержке демократии за рубежом», а также натиск постсоветских «цветных революций», в том числе в Киргизии в 2005-м, весьма негативно сказались на отношении центральноазиатских элит к развитию демократии под руководством США. Москва тоже стала смотреть на эту активность все более критически, а усилия Вашингтона, имеющие целью смену режимов, стали одним из самых раздражающих факторов в американско-российских отношениях и в большой мере спровоцировали войну 2008 года между Россией и Грузией.

В 1997-м заместитель госсекретаря Строб Тэлбот призвал крупнейшие государства отказаться от того, что он назвал «атавистической» великодержавной конкуренцией в Центральной Азии, самым ярким проявлением которой была «Большая игра» XIX века. Опасаясь, что главным движущим механизмом, подпитываемым и смазываемым нефтью, в этом регионе по-прежнему будет конкуренция великих держав — в ущерб живущим в нем людям, Тэлбот утверждал, что целью американской политики здесь является открытие стран Центральной Азии для остального мира, которое приветствовали бы «все ответственные игроки»¹². На практике, однако, политика США на протяжении большей части двух последних десятилетий состояла именно в том, от чего Тэлбот нас предостерегает, то есть в стремлении развернуть страны Центральной Азии на Запад, одновременно ограничив влияние на них больших авторитарных соседей: Китая,

Ирана и, больше всего, России. Тем не менее сегодня в стратегическом плане Центральная Азия гораздо более плюралистична, чем в середине 1990-х годов, благодаря и новым трубопроводам, и росту инвестиций из таких стран, как Китай и Турция. И вопрос теперь состоит в том, в какой мере прежняя стратегия Вашингтона адекватна проблемам, стоящим перед Центральной Азией сегодня.

Акт II: Афганистан

Вторая фаза «смычки» Вашингтона со странами Центральной Азии началась после террористических атак 11 сентября 2001 года. После 9/11 проблемы защиты суверенитета стран Центральной Азии от России и стимулирования в них внутренних реформ все больше уходили на второй план американской политики, а главным элементом стало использование географического положения региона для того, чтобы облегчить США ведение войны по соседству. Вашингтон обратился к странам Центральной Азии за логистической поддержкой (прежде всего для обеспечения транзита как в Афганистан, так и из него), пригласил их к участию в разработке проектов, направленных на создание самостоятельной афганской экономики, не зависящей от производства опиума, и наконец, ему понадобилась дипломатическая поддержка для прекращения афганского конфликта на выгодных условиях. В последние 10 лет стратегическое соперничество с Москвой отошло на второй план, особенно после того как Россия и сама стала важным партнером США в этой войне.

Война в Афганистане во многих отношениях обернулась благом для Центральной Азии. Самая сильная военизированная группировка в Центральной Азии — Исламское движение Узбекистана (ИДУ) — была уничтожена американскими бомбардировками северной части Афганистана в конце 2001 года. Первоначальный разгром талибов и

приход к власти неисламистского правительства в Кабуле заметно снизили вероятность нападений из-за границы. С созданием Северной сети снабжения (NDN) в 2009-м Центральная Азия стала еще более важной частью логистической цепочки для международных сил ИСАФ, особенно после возникновения проблем с транзитными маршрутами через Пакистан¹³. К 2012 году четыре государства Центральной Азии (то есть все, кроме Туркмении), обеспечившие американцам доступ на территорию Афганистана, в

дьями Афганистана — Ираном и Пакистаном. Оказалось, что США отчасти утратили рычаги влияния на страны Центральной Азии, а внутригосударственные и региональные проблемы здесь во многих отношениях обострились. Более того, так называемая «революция тюльпанов» в Киргизии, свергнувшая давнего авторитарного лидера Аскара Акаева, и андиджанские события породили у администрации Буша опасения, что ее политика насаждения демократии подрывает стабильность правительств стран-партнеров в Центральной

“Вашингтон пригласил страны Центральной Азии к участию в разработке проектов, направленных на создание самостоятельной афганской экономики”.

сумме получали за транзит примерно 500 млн дол. в год, по максимальным ставкам коммерческих перевозчиков. В 2009-м Киргизия потребовала от США пересмотреть условия аренды авиабазы «Манас» и в результате ныне получает дополнительно 60 млн дол. в год, плюс доходы от поставок топлива (которые с 2001 года составили почти 2 млрд долларов)¹⁴. Выигрывает Центральная Азия и от двусторонней помощи США (в разных формах), которая в 2010-м в целом по региону составила 245 млн дол. по сравнению с 91 млн дол. до 9/11¹⁵. Предоставление американцам доступа к воздушному пространству, автомобильным и железным дорогам и военным объектам также укрепляет партнерские отношения между Вашингтоном и некоторыми из государств Центральной Азии, включая Узбекистан.

Серьезным минусом стало то, что сотрудничество в области транзита и обеспечения безопасности в Афганистане способствовало созданию некоторой взаимозависимости между Вашингтоном и его центральноазиатскими партнерами, усиливая напряженность в отношениях между США и другими сосе-

Азии¹⁶. В дальнейшем Вашингтон стал вести себя в отношении здешних внутренних реформ гораздо осмотрительнее и все чаще закрывал глаза на то, что присутствие американцев в этом регионе лишь усугубляло коррупцию (в частности, это касается подписания контрактов на поставку топлива для авиабазы «Манас» с компаниями, которые контролировались родственниками бывшего президента Киргизии)¹⁷.

Опасения оказаться слишком вовлеченными в местные проблемы отчасти способствовали тому, что попытки США активизировать региональную торговлю пока дали почти нулевой результат. В рамках этих усилий, подкрепляющих идею Нового шелкового пути (так администрация Обамы представляет себе будущее региона), упор делается на устранение торговых барьеров (тарифы, злоупотребления в таможенном контроле и др.) и создание новой инфраструктуры, облегчающей перемещение товаров через Афганистан, в основном на рынки Южной Азии¹⁸. Концепция Нового шелкового пути в определенном смысле возвращает нас назад к тем временам, когда Вашингтон стремил-

ся связать Центральную Азию с внешним миром — в определенном направлении, правда, сейчас это Южная Азия, а не Западная Европа, как в 1990-х. Ирония, однако, заключается в том, что инвестиции в инфраструктуру, которая обеспечила бы интеграцию Центральной Азии в мировую экономику, на самом деле все чаще идут из Китая, а не из Соединенных Штатов, и в значительно меньшей степени из стран Южной Азии, в частности, из Индии. Попытки снизить тарифные и нетарифные барьеры в торговле не привели к успеху отчасти из-за отсутствия заинтересо-

при администрации Обамы) опять стал подчеркивать необходимость многостороннего сотрудничества.

Президент России Владимир Путин, преодолев сопротивление своих генералов, от имени России благословил развертывание военных контингентов США в Узбекистане и Киргизии, но только после того, как стало ясно, что узбеки и киргизы готовы пойти на это независимо от того, что скажет Россия²⁰. Отношения с Москвой вновь обострились накануне вторжения США в Ирак, против которого Россия энергично возражала, а

“Москва стоит на том, что США должны уйти из Центральной Азии, но только после того, как процесс стабилизации в Афганистане завершится”.

ванности в этом региональных лидеров, обеспокоенных тем, что либерализация торговли могла бы подорвать основы их власти¹⁹.

Пока главной целью Вашингтона в этом регионе оставалась победа в войне в Афганистане, стратегическое соперничество с Россией, характерное для политики США в 1990-х, отошло на задний план, тем более что Россия тоже заинтересована в стабильном Афганистане, управляемом неисламистами. Тем не менее за десятилетие, прошедшее после 9/11, внимание к афганской войне то ослабевало, то опять усиливалось, и в моменты, когда война, казалось, переставала быть приоритетом, Вашингтон время от времени возвращался к политике, исходящей из того, что именно доминирование России является источником проблем Центральной Азии. Так, высказывания Чейни в Астане в мае 2006 года пришлось на тот момент, когда в войне вроде бы наметились успехи и США переключили свое внимание с Афганистана на Ирак. И наоборот, поскольку в последние годы ситуация в Афганистане вновь представляется более опасной, Вашингтон (особенно

также с началом «цветных революций» в некоторых постсоветских странах, включая Киргизию в 2005 году. Массовые акции протеста в Андижане весной 2005-го, по-видимому, тоже были частью волны неконтролируемых политических перемен, захлестнувшей бывший Советский Союз. Жесткая реакция узбекских сил безопасности вызвала на Западе широкую критику. Государственный секретарь США Кондолиза Райс и двухпартийная группа сенаторов США призвали к проведению международного расследования, а представители НАТО заявили, что эти убийства могут повредить отношениям Узбекистана с Альянсом²¹. Москва, в отличие от них, решительно поддержала утверждение Ташкента, что перед лицом ожесточеннейшего восстания исламистов силы безопасности действовали вполне адекватно, что подтолкнуло Узбекистан к решению выдворить американских военных из Карши-Ханабада и в том же году присоединиться к возглавляемой Россией ОДКБ. Статус американской авиабазы в Манасе остается одной из болезненных проблем в отношениях между США

и Россией, поскольку Москва опасается, что Соединенные Штаты попытаются сохранить здесь свое военное присутствие на долгие годы, а это нанесет ущерб ее собственным интересам в Центральной Азии.

Избрание Барака Обамы в ноябре 2008 года помогло вернуть проблему сотрудничества США и России в число приоритетных. Во время своей первой встречи с тогдашним президентом России Дмитрием Медведевым Обама заявил, что американские войска появились в Манасе исключительно для борьбы с исламскими экстремистами в Афганистане, которых и Россия считает своими смертельными врагами. Москва настаивала на закрытии этой базы и в начале 2009-го предложила Бишкеку более 2 млрд дол. в качестве помощи (не оговаривая, но подразумевая изгнание американцев из Манаса), но когда четыре месяца спустя президент Киргизии Курманбек Бакиев договорился с США о новой сделке, она смолчала и отступила²². С тех пор Москва стоит на том, что США должны уйти из Центральной Азии, но только после того, как процесс стабилизации в Афганистане завершится. Вместе с тем Россия тоже согласилась участвовать в Северной сети снабжения, разрешив США совершать в год 4 500 полетов через свою территорию, а коалиционным силам — использовать российские железные дороги, за что и получила, предположительно, уже более одного миллиарда долларов²³.

Акт III: 2014 год и после

Северная сеть снабжения — это, пожалуй, лучшая иллюстрация того, как афганская война превратила Соединенные Штаты, Россию и все пять государств Центральной Азии в компаньонов. Это сотрудничество приглушило стратегическую конкуренцию между государствами Центральной Азии, обеспечив им финансовые и материальные выгоды, которые позволили их правительствам

укрепить свои позиции. Но поскольку сейчас война или, по крайней мере, ведущая роль Вашингтона в ней идет на спад, Центральная Азия сталкивается с рядом проблем, которые с выводом американских войск будут только углубляться. Между тем самим США придется сосредоточить усилия в основном на самом процессе вывода войск в ущерб обеспечению надежного будущего для Афганистана и в ущерб своим долгосрочным интересам в Центральной Азии.

После ухода США из Афганистана сфера их интересов в Центральной Азии неизбежно будет сужаться. Прежде всего, Вашингтон должен гарантировать, что Центральная Азия не превратится в рассадник транснациональных угроз, в частности терроризма, которые непосредственно затрагивают безопасность США, а также, что она не станет театром боевых действий с участием соседей, обладающих ядерным оружием, то есть американцам необходимо не допустить здесь региональных конфликтов и появления нестабильных государств.

Сама Центральная Азия сталкивается с некоторыми все более обостряющимися проблемами, которые, в отличие от 1990-х, носят внутрорегиональный характер, а не являются результатом гегемонистских амбиций соседних держав. Самыми опасными угрозами в предстоящее десятилетие станут напряженные отношения между государствами региона и ослабление властных структур в них самих. С уменьшением своего присутствия и влияния в этом регионе Вашингтон испытает искушение вернуться к стратегии, которой он придерживался на протяжении большей части 1990-х годов и в рамках которой Центральная Азия рассматривалась главным образом через призму геополитической конкуренции с Россией, а также с Китаем, который не только превратился в самого важного экономического партнера Центральной Азии, но и его отношения с США становятся

все более глобализованными. Однако главная цель политики США в 1990-х, а именно обеспечение суверенитета и независимости государств Центральной Азии, уже давно достигнута. И сейчас наибольшую угрозу стабильности этого региона (и, в конечном счете — интересам США) представляют уже не Россия или Китай, а внутрирегиональные патологии.

Хотя Центральная Азия получила заметную выгоду от военных действий США в Афганистане, в других отношениях дела обстоят хуже, и за последние десять лет многие проблемы этого региона лишь обострились. Северная сеть снабжения и общие интересы в борьбе с талибами стали основой для регионального сотрудничества в сфере безопасности (которого в противном случае просто не было бы), но с прекращением афганской кампании может исчезнуть сама основа для такого сотрудничества, а именно соответствующие финансовые стимулы и факторы безопасности, которые во время афганской войны обеспечивались Вашингтоном. Несмотря на функционирование Северной сети снабжения и сопутствующие усилия США и их партнеров по развитию экономического сотрудничества в Центральной Азии, показатели региональной торговли остаются низкими. Например, в 2010 году на долю внутрирегиональной торговли пришлось лишь 3,5 проц. от общего товарооборота Центральной Азии²⁴.

Даже сама по себе неопределенность в отношении будущего Афганистана работает на региональную фрагментацию. Поскольку способность президента Карзая удерживать власть после ухода американцев вызывает большие сомнения, соседи Афганистана начали отстаивать свои собственные интересы — в ущерб региональному сотрудничеству; например, в июне 2012-го на саммите «Сердце Азии» в Кабуле они отказались подписать обязательство о невмешательстве во

внутренние дела Афганистана²⁵. Узбекистан обвинил своих соседей (в том числе и Афганистан) в поддержке торговли наркотиками в регионе, в то время как Туркмения, по слухам, платит талибам за то, чтобы они держались подальше от туркмено-афганской границы²⁶. Киргизия, Таджикистан и Узбекистан конкурируют между собой также в качестве поставщиков электричества в Афганистан, затрудняя работу международных агентств по развитию, финансирующих создание здесь новых линий электропередач. Многие государства Центральной Азии наладили связи с соседними непутунскими этническими группами на севере Афганистана (в том числе таджиками, узбеками и туркменами) и командирами их разнообразных вооруженных формирований, рассматривая их как потенциальный буфер, который позволил бы отгородиться от нестабильности или от талибов, вернувшихся к власти в более южных районах.

Помимо Афганистана, у стран Центральной Азии есть и другие поводы для разногласий: это и распределение воды, и границы, и региональная безопасность. Особенно осложнены отношения между Узбекистаном и Таджикистаном — до такой степени, что Ташкент в последние годы несколько раз приостанавливал железнодорожное сообщение между странами, прекращал поставки газа в Таджикистан и, более того, минировал значительную часть все еще спорной границы между обеими странами. А Бишкек утверждает, что в 2009–2011 годы на киргизско-узбекской границе произошло более 80 стычек²⁷. Киргизия и Таджикистан хотят построить новые крупные плотины, которые позволили бы им обеспечивать себя электроэнергией. Узбекистан же выступает категорически против этих планов, поскольку в таком случае он, во-первых, лишится доходов от продажи электроэнергии соседям, а во-вторых, потеряет часть водных

ресурсов, жизненно важных для сельского хозяйства Узбекистана²⁸.

Но самые важные проблемы Центральной Азии — это слабость здешних государств и постепенное ухудшение социально-экономической ситуации в них. Повсюду в Центральной Азии репрессивные и безразличные к собственным гражданам правительства по-прежнему провоцируют народное недовольство, кое-где окрашенное в цвета радикализма. Это недовольство к тому же подпитывается неопределенностью в деле

в силах безопасности, — удастся выявить и задержать менее 5 проц. проходящих через его территорию наркотиков³⁰. А в Киргизии в бытность президентом Курманбека Бакиева дело дошло до того, что управление по контролю над наркотиками было в 2009 году ликвидировано.

Экспансия наркоторговли — лишь одна из причин слабости киргизской и таджикской государственности. В Таджикистане еще живо наследие гражданской войны 1990-х. И в последние несколько лет здесь нарастает

“Все большая часть населения в Таджикистане, а также в Киргизии и в Узбекистане обращается к исламу как к средству решения проблем повседневной жизни”.

наследования власти в двух самых важных государствах региона — в Казахстане и Узбекистане, а также всеобщим (кроме Казахстана) демографическим бумом, широким распространением коррупции и усилением неравенства. ВВП на душу населения в Киргизии и Таджикистане по паритетной покупательной способности составляет менее 2 500 дол. в год²⁹. Несмотря на то что сохранение высоких цен на нефть обеспечивает производителям энергоносителей определенные преимущества, даже в Казахстане (с его ВВП на душу населения более 13 000 дол.) в конце 2011-го в городе Жанаозен на западе страны произошли бурные протестные выступления нефтяников.

Бедность в сочетании с близостью к маковым полям Афганистана подпитывает еще одну, может быть, самую пагубную проблему Центральной Азии — проблему коррупции. Хуже всего ситуация в Киргизии и Таджикистане, где наркотрафик уже серьезно подорвал государственные институты. По оценкам Управления ООН по наркотикам и преступности, в Таджикистане — из-за популистства официальных лиц, в том числе

волна насилия, поскольку Душанбе стремится отстранить от дел бывших членов оппозиции времен гражданской войны. Такая воинственность в общем и целом не является порождением радикального исламизма. Дело в другом: поскольку альтернативные каналы влияния в политической жизни перекрыты, оппозиция и местные исламисты в регионе все чаще выступают совместно. В то же время все большая часть населения в Таджикистане, а также в Киргизии и в Узбекистане (по крайней мере, в Ферганской долине) обращается к исламу как к средству решения проблем повседневной жизни. Хотя в большинстве своем это люди мирные и аполитичные, рост религиозных настроений в сочетании с географической близостью Афганистана и Пакистана создает здесь благодатную почву для появления, как минимум, очагов экстремизма³¹. Между тем группы боевиков в Центральной Азии, прежде всего, остатки Исламского движения Узбекистана хотели бы воспользоваться выводом американских войск из Афганистана, чтобы воссоздать плацдарм, с которого со временем можно будет атаковать и саму Центральную Азию³².

Хотя в Центральной Азии нарастают внутренние проблемы, за последние два десятилетия ей в значительной мере удалось выйти из сферы экономической господства России, и теперь она уже ощущает себя в центре становящейся все более многополярной Евразии. Эта многополярность частично представляет собой результат усилий Запада по созданию новой транзитной инфраструктуры, но еще более — следствие быстрого экономического проникновения сюда Китая. В последние годы Пекин финансирует строительство газопровода через Туркмению, Узбекистан и Казахстан и нефтепровода из Казахстана в свою западную провинцию Синьцзян. Китай также лидирует в строительстве автомобильных и железных дорог в странах Центральной Азии, в основном для того, чтобы обеспечить выход продукции своих собственных заводов на рынки Европы и Ближнего Востока. Торговля Китая со странами Центральной Азии с начала нового тысячелетия тоже заметно расширилась. Сегодня товарооборот между Китаем и Центральной Азией более чем вдвое превышает соответствующий российский показатель³³. Инвестирует сюда Россия по-прежнему больше Китая, но и в этом отношении разрыв резко сократился³⁴. Хотя многие жители Центральной Азии боятся превращения своего региона в неоколониальный ресурсный придаток Китая, вместе с тем рост китайского присутствия позволяет им не опасаться чрезмерной зависимости от России, чего Вашингтон давно добивался.

Но Китай — не единственная держава, расширяющая свое присутствие в Центральной Азии. Важным культурным и экономическим субъектом здесь без лишнего шума стала Турция; она занимает первое место среди экспортеров в Таджикистан и второе место среди экспортеров в Туркмению и Узбекистан³⁵. И хотя сейчас внимание Анкары все больше переключается на кри-

зисы в соседних с ней странах (прежде всего — в Сирии), она прочно обосновалась в Центральной Азии, используя и культурные связи, и свою роль моста, связующего Запад с Востоком. Присутствие Ирана, хотя его во многих отношениях сдерживают международные санкции, связанные с его ядерной программой, тоже становится здесь все более заметным, особенно в Таджикистане. Правительства стран Центральной Азии, конечно, не заинтересованы в проникновении сюда исламизма иранского толка, но они понимают, что Иран и его порты могут обеспечить им выход на мировые рынки, и в любом случае Тегерану до сих пор хватало здравого смысла, чтобы не подливать масла в огонь в Центральной Азии. Соединенные Штаты хотели бы, чтобы более заметную роль здесь играла Индия, но пока она несколько отстает, хотя ее присутствие все же гораздо более заметно, чем в 1990-х годах. И конечно, сами Соединенные Штаты и их европейские союзники сейчас «сидят» в Центральной Азии гораздо прочнее, чем два десятилетия назад.

Заключение

Политические и геостратегические вызовы, с которыми Центральной Азии приходится сталкиваться сегодня, существенно отличаются от тех, перед которыми она стояла в 1990-х. Поэтому иным должен быть и подход Вашингтона к Центральной Азии. Хотя сейчас, как и тогда, Центральная Азия страдает от слабости государственных структур и недостаточности региональной интеграции, в последние два десятилетия все же имел место заметный прогресс в становлении центральноазиатских государств как независимых, суверенных международных акторов. В то же время стратегический ландшафт Центральной Азии да и Евразии в целом становится все более многополярным. Российское господство больше не угрожает

региональной стабильности, как это было в первые годы после распада Советского Союза, но теперь ей угрожают плохое управление, коррупция и взаимное недоверие.

Как и Соединенные Штаты (и другие крупные региональные державы, в том числе Китай и Индия), Россия только выиграла бы от выхода Центральной Азии на мировые рынки, тогда как слабая Центральная Азия с ее проблемами могла бы представлять опасность для России. Поэтому к поиску решений проблем этого региона США долж-

утверждал Бжезинский в 1997 году, в то время как США должны разрушить монополию на доступ к Центральной Азии, которой Россия в то время обладала, «полное вытеснение России из этого региона не является ни желательным, ни выполнимым, как и разжигание вражды между новыми государствами этого региона и Россией»³⁶. Теперь, когда монополия России осталась в прошлом, США и их союзники должны всерьез задуматься над тем, как сделать так, чтобы защита Россией своих постоянных интересов в этом регионе

“Российское господство больше не угрожает региональной стабильности, но теперь ей угрожают плохое управление, коррупция и взаимное недоверие”.

ны привлечь всех соседей Центральной Азии. Из них именно России суждено играть центральную роль в этих процессах, по крайней мере в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Благодаря своему значимому военному присутствию (более 7 000 солдат в Таджикистане, плюс несколько меньший военный контингент в Киргизии и Казахстане, плюс ее возможности в институциональных рамках ОДКБ), Россия может реально участвовать в обеспечении безопасности в этом регионе после вывода американских войск из Афганистана, и эту возможность США должны использовать.

Сейчас государства Центральной Азии (в частности, благодаря усилиям Вашингтона в 1990-е годы) имеют устойчивые отношения со многими иностранными партнерами, и ни военное присутствие России, ни ее амбициозные планы в отношении региональной интеграции в рамках Таможенного союза, ОДКБ или Евразийского союза не представляют для суверенитета государств Центральной Азии такой опасности, какую представлял контроль за их жизненно важными коммуникациями со стороны России в 1990-х. Как

способствовала решению проблем, представляющих взаимный интерес.

По мере того как политический и экономический ландшафт в Центральной Азии становится все более многополярным, забота Вашингтона о суверенитете и независимости этого региона теряет смысл. Полная зависимость стран Центральной Азии от России, которая восходит ко временам военной экспансии царского правительства в середине XIX века, осталась в прошлом. Усилия Москвы в направлении постсоветской интеграции, противодействовать которой недавно призывала США Хиллари Клинтон, это не столько попытка повторной советизации Центральной Азии, сколько своего рода арьергардные бои, имеющие целью укрепление слабеего (хотя все еще значительного) влияния России в этом регионе³⁷. Отношение Соединенных Штатов к этим усилиям, к сожалению, в большой мере определяется наследием холодной войны и мышлением в категориях баланса сил, которые мешают Вашингтону непредвзято и творчески оценивать возможности взаимодействия с Россией и с разнообразными многосторон-

ними организациями, бурно растущими под крылом России в этом регионе.

Стремление России к интеграции в Центральной Азии не только представляет гораздо меньшую угрозу, чем полагают многие американские чиновники и аналитики, но наоборот, при правильном подходе это позволило бы США косвенно воздействовать на источники проблем в Центральной Азии даже после того, как американские войска уйдут из Афганистана и Центральная Азия перестанет быть одним из высших приоритетов во внешней политике Вашингтона. Москва, как непосредственно, так и через ОДКБ, претендует на расширение своей роли в обеспечении региональной безопасности после 2014 года. Хотя до сих пор ОДКБ упорно отказывалась брать на себя бремя обеспечения реальной защиты региона (в частности, от этнического насилия, охватившего юг Киргизии в конце 2010-го), создание новых организаций, в том числе сил быстрого реагирования, наряду с ежегодными учениями «Канал» по линии борьбы с наркотиками, позволяет надеяться, что со временем ее возможности расширятся³⁸.

Поскольку доминирование России уже не является главной угрозой стабильности в Центральной Азии (а тем более интересам США в этом регионе), у Вашингтона нет особых причин рефлекторно противодействовать более широкому присутствию в регионе России, которая помогла бы здешним государствам охранять свои границы, бороться с наркотрафиком и боевиками, как своими, так и пришлыми. А вот что США обязательно должны делать, пользуясь снижением уровня своей зависимости от Центральной Азии, так это в большей мере сосредоточиться на проблемах государственного управления в странах региона. Теперь можно гораздо более откровенно, чем в недавнем прошлом, обсуждать с местными партнерами возможные методы восстановления разрушенной

судебной системы и верховенства закона, а также стимулирования экономических реформ. Принимая во внимание важнейшую роль людей в погонах в сохранении целостности слабых государств Центральной Азии, необходимо также придать новый импульс институциональным реформам в силовом секторе. В плане экономики США должны приветствовать приток китайских, индийских, турецких и других иностранных инвестиций в Центральную Азию, которые стали бы важнейшим фактором более масштабного вовлечения Центральной Азии в мировую экономику. Следует лишь проявлять осторожность в отношении крупных инфраструктурных проектов, преследующих геополитические цели и не имеющих серьезного экономического обоснования.

Вашингтону также следует быть осмотрительным, определяя свою роль в обеспечении безопасности в этом регионе. Сохранение повышенного военного присутствия в Центральной Азии после вывода войск из Афганистана может лишь способствовать возобновлению стратегического соперничества с Россией, а в дальнейшем и с Китаем. Конечно, США хотели бы сохранить некоторое остаточное военное присутствие в этом регионе для обеспечения себе доступа в Афганистан (а в случае необходимости и в Пакистан). Но такое присутствие должно быть минимальным, и соответствующие планы Вашингтона должны быть максимально прозрачными для руководителей государств Центральной Азии и их соседей. Кроме того, США должны соблюдать осторожность и в части новых поставок оружия в этот и так уже нестабильный регион. Усилия по реформированию местных вооруженных сил и сил безопасности должны быть нацелены на повышение их эффективности в борьбе с проблемами, с которыми они сталкиваются у себя дома, а не иметь в виду переориентацию их на Запад просто ради ослабления влияния России.

Наконец, даже при всем своем стремлении отрешиться от прошедшего военного десятилетия США ни в коем случае не должны полностью отвернуться от этого региона. Это предостережение относится в первую очередь к Афганистану, но и ко всей Центральной Азии тоже. Несмотря на растущую многополярность связей, правительства стран Центральной Азии хотят иметь с Соединенными Штатами хорошие отношения и ощущать американское присутствие в своем регионе. В отличие от соседних держав, у США действительно есть и возможность, и заинтересованность в решении проблем управления в Центральной Азии. На стратегическом уровне государства Центральной Азии ценят присутствие США именно потому, что они понимают, что

Соединенные Штаты не представляют и не могут представлять угрозу для их суверенитета и независимости. Таким образом, хотя Вашингтону было бы полезно сотрудничать с русскими и китайцами с целью поддержания стабильности в этом регионе, не следует просто оставлять им этот регион. И в ближайшее десятилетие Соединенным Штатам в Центральной Азии следует заботиться прежде всего о выборе правильного соотношения между присутствием и самоограничением, о сотрудничестве с соседями Центральной Азии и обеспечении гибкого стратегического баланса. Для этого Вашингтону требуется стратегия, основанная на знании реального положения дел в сегодняшней Центральной Азии, а не просто на ностальгии по прошлому. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Unocal* отказалась от этого проекта в 1998 году, когда отношения между Вашингтоном и правительством талибов ухудшились и Конгресс США вмешался, стараясь заблокировать эту сделку. См.: *Afonin S. The TAPI Gas Pipeline: Pro et Contra // International Affairs (Moscow). Dec. 2011. 57(6). P. 113–120.*

² Американская *Overseas Private Investment Corporation (OPIC)* предоставила 100 млн дол. на страхование рисков, а Экспортно-импортный банк США предоставил гарантии инвестиций на 160 млн долларов. См.: *OPIC Provides \$100 Million in Insurance for Loans to Caspian Pipeline Project. 2004. 4 Feb. (<http://finance.groups.yahoo.com/group/EnergyNewsletterTurkey/message/230>), а также: Ex-Im Bank Approves \$160 Million Guarantee to Support Baku–Tbilisi–Ceyhan Pipeline. PR Newswire, <http://www.prnewswire.com/news-releases/ex-im-bank-approves-160-million-guarantee-to-support-baku-tbilisi-ceyhan-pipeline-73423362.html>.*

³ *Stulberg A. N. Well-Oiled Diplomacy: Strategic Manipulation and Russia's Energy Statecraft in Eurasia. Albany: SUNY Press, 2007. P. 102.*

⁴ *Greenberg I., Kramer A. E. Cheney, Visiting Kazakhstan: Wades Into Energy Battle // New York Times. 2006. 6 May*

⁵ *Analysis: Kazakhstan and the BTC Pipeline // UPI. 2008. 15 Oct. Одно время Астана также обсуждала возможность сооружения газопровода на запад – в Азербайджан.*

⁶ См. тезисы выступления посла Ричарда Морнингстара, специального советника Клинтон по проблемам энергоносителей в Каспийском регионе: *From Pipe Dream to Pipeline: The Realization of the Baku–Tbilisi–Ceyhan Pipeline // Harvard Univ. Belfer Center for Science and International Affairs. 2003. 8 May (http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publication/12795/from_pipe_dream_to_pipeline.html).*

⁷ *Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. N. Y.: Basic Book, 1997. P. 148.*

⁸ См.: *Stulberg A. N. Op. cit. P. 99–110, 117–129.*

⁹ Подробнее об этих программах см. прежде всего: *Vinnikov A. NATO and Central Asia: Security, Interests, and Values in a Strategic Region // Security and Human Rights. 2009. 20(1). P. 68–82, а также:*

NATO Euro-Atlantic Partnership Council, <http://www.nato.int/cps/en/natolive/51288.html>

¹⁰ См.: *Olcott M. B.* Central Asia's Second Chance. Wash. DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. P. 71–72.

¹¹ См., напр.: *Carrothers Th.* The Backlash Against Democracy Promotion // Foreign Affairs. Mar./Apr. 2006. 85(2).

¹² *Talbott S.* A Farewell to Flashman: American Policy in the Caucasus and Central Asia // Address at the Johns Hopkins Univ. School of Advanced International Studies. 21 July 1997, <http://www.state.gov/www/regions/nis/970721talbott.html>

¹³ Силы ИСАФ могли пользоваться в Центральной Азии следующими базами: Соединенные Штаты — Карши-Ханабад в Узбекистане (до «изгнания» в 2005-м) и Манас в Киргизии; Франция — аэропорт Душанбе в Таджикистане, Германия — аэропорт Термез в Узбекистане. В начале 2013 года Казахстан также открыл для французских сил новый транзитный центр в Чимкенте.

¹⁴ *Tynan D.* Kyrgyzstan: US Armed Forces to Remain at Air Base for Afghan Resupply Operations // Eurasianet. 22 Jun. 2009, <http://www.eurasianet.org/departments/insightb/articles/eav062309b.shtml>. О доходах, получаемых от контрактов на энергоносители, см.: *Cooley A.* Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia. Oxford: Oxford UP, 2012. P. 49–50.

¹⁵ U.S. Census Bureau. U.S. Government Foreign Grants and Credits by Type and Country: 2000 to 2010, <http://www.census.gov/compendia/statab/2012/tables/12s1297.pdf>

¹⁶ Этот сдвиг описан в работе: *Cooley A.* Op. cit. P. 49–50.

¹⁷ *Juraev Sh.* Kyrgyz Democracy: The Tulip Revolution and Beyond // Central Asian Survey. Dec 2008. 27 (3-4). P. 253–264; *Cooley A.* U.S. Bases and Democratization in Central Asia // Orbis. Winter 2008. 52(2). P. 65–90.

¹⁸ *Hormats R. D.* The United States' "New Silk Road" Strategy: What Is It? Where Is It Headed? // Department of State. 29 Sept. 2011, <http://www.state.gov/e/rls/rmk/2011/174800.html>

¹⁹ *Linn J.* Central Asian Regional Integration and Cooperation: Reality Or Mirage? // EDB Eurasian Integration Yearbook 2012. Almaty: Eurasian Development Bank, 2012. P. 111–113.

²⁰ *Jonson L.* Vladimir Putin and Central Asia: The Shaping of Russian Foreign Policy. L.: I.B. Tauris, 2004. P. 85–86.

²¹ *Smith R. J., Kessler G.* U.S. Opposed Calls at NATO for Probe of Uzbek Killings // Washington Post. 14 June 2005. Radio Free Europe/Radio Liberty, "Factbox: Andijon Timeline," <http://www.rferl.org/content/article/1061536.html>

²² Однако Москва не забыла двуличия Бакиева и поддержала его отставку в начале 2010 года. См.: *Trilling D., Umetov Ch.* Kyrgyzstan: Is Putin Punishing Bakiyev? // Eurasianet. 5 Apr. 2010, <http://www.eurasianet.org/departments/insight/articles/eav040610a.shtml>

²³ *Goosdev N.* The Realist Prism: U.S.—Russia Reset on Display in Afghanistan // World Politics Review. 1 July 2011, <http://www.worldpoliticsreview.com/articles/9347/the-realist-prism-u-s-russia-reset-on-display-in-afghanistan>

²⁴ *Mogilevskii R.* Trends and Patterns in Foreign Trade of Central Asian Countries // Univ. of Central Asia Institute of Public Policy and Development. Working Paper No. 1. May 2012, <http://www.ucentralasia.org/downloads/UCA-Trends&PatternsForeignTradeCA-Eng-May2012.pdf>

²⁵ *Gharekan Ch. R., Inderfurth K. F.* An Umbrella for Afghan Stability // New York Times. 2012. 29 June.

²⁶ *Pannier B.* Central Asian States Profess Unity, but Grow Farther Apart. Radio Free Europe/Radio Liberty, 3 Aug 2009; *Gavrilis G.* Why Regional Solutions Won't Help Afghanistan: The Myth of Neighbourly Harmony // Foreign Affairs. 2011. 28 Oct.

²⁷ *Мухин В.* Центральноазиатский миротворческий вопрос // Независимая газета. 2011. 13 мая.

²⁸ International Crisis Group. Central Asia: Water and Conflict. 30 May 2002, <http://www.crisisgroup.org/~media/Files/asia/central-asia/Central%20Asia%20Water%20and%20Conflict.pdf>

²⁹ International Monetary Fund. World Economic Outlook Database. Apr. 2012, <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2012/01/weodata/index.aspx>

³⁰ См.: *Rousseau R.* A Stable Afghanistan is Unlikely Without a Stable Tajikistan // Global Asia. 2012. May 31.

³¹ Tajikistan: Islamic Militancy No Phantom Menace. Institute for War and Peace Reporting. 2011, 10 May, <http://www.unhcr.org/refworld/docid/4dd261921a.html>

³² *Blake R. O.* Islamist Militant Threats in Eurasia // Testimony to U.S. House of Representatives Committee on Foreign Affairs. 2013. 27 Feb., <http://docs.house.gov/meetings/FA/FA14/20130227/100314/HHRG-113-FA14-Wstate-BlakeR-20130227.pdf>

³³ International Monetary Fund. Direction of Trade Statistics, <http://elibrary-data.imf.org/finddatareports.aspx?d=33061&e=170921>

³⁴ В 2010 году объем прямых инвестиций Китая в Центральной Азии составил 2,9 млрд дол., а России – 3,17 млрд долларов. См.: China Ministry of Commerce. 2010 Statistical Bulletin

of China's Outward Foreign Direct Investment; Central Bank of the Russian Federation. Прямые инвестиции из Российской Федерации за границу по состоянию на 1 января 2010 г. и 1 января 2011 года.

³⁵ Turkish Republic. Ministry of Economy.

³⁶ *Brzezinski Z.* Op. cit. P. 149.

³⁷ *Clapper B.* Clinton Fears Efforts To "Re-Sovietize" in Europe // Associated Press. 2012. 6 Dec.

³⁸ *Путин В.* Выступление на заседании Совета коллективной безопасности ОДКБ в расширенном составе. Кремль. 15 мая 2012, <http://www.kremlin.ru/transcripts/15346>